

А. А. Курдун

*доцент кафедры белорусской филологии
Белорусского государственного
технологического университета,
кандидат филологических наук*

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, НАЗНАЧАЕМОЙ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ВЕРБАЛЬНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

В национальном законодательстве в области противодействия экстремизму определение «вербальный» специально не используется, но является для него имманентным, так как вербальный (т. е. словесный, речевой) компонент присутствует в любом действии, относимом к экстремистским [1]. Как справедливо отмечает Н. С. Громова, «экстремизм немислим без вербальной составляющей» [2, с. 52]. Однако в преступлениях экстремистского характера вербальная составляющая имеет не только «функцию» сопровождения основного (физического) действия. Содержательная часть объективной стороны преступлений, репрезентируемых как «разжигание...», «пропаганда...», «призывы...» [1], актуализирует вербальный способ их совершения, а также наличие речевого произведения (далее — РП) как конечного продукта речевой деятельности. Именно по отношению к данному виду преступлений в научной литературе в первую очередь и используется обобщающее понятие «вербальный экстремизм».

При расследовании или судебном разбирательстве дел, связанных с вербальным экстремизмом, одним из способов получения юридически значимой информации является судебная лингвистическая экспертиза (далее — СЛЭ). Однако в Республике Беларусь развитие этого вида судебных экспертиз является пока несбалансированным с точки зрения соотношения складывающейся практики их назначения, проведения, оценки и степени теоретической проработки проблем, возникающих на каждом из указанных этапов. В числе следствий такой несбалансированности — наличие двух крайне негативных, но при этом противоположных тенденций: а) постановка инициаторами СЛЭ вопросов и, соответственно, формулирование экспертами выводов, выходящих за пре-

делу знаний в области лингвистики, а также использование на этапе экспертного исследования метода интроспекции как основного; б) минимизация компетенции эксперта-лингвиста, ограничение ее только констатацией выявленных в исследуемом РП языковых фактов и отказ от их оценки на предмет релевантности / нерелевантности для вербального преступления.

Преодоление описанных негативных тенденций едва ли возможно без актуализации вопроса о сущности СЛЭ, и, как представляется, ее понимание и трактовка предопределяются задачами, на решение которых должна быть направлена судебно-экспертная деятельность в целом: «оказание содействия органам, ведущим уголовный, гражданский, хозяйственный и административный процессы, в выполнении возложенных на них задач с использованием специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности» [3]. Следовательно, при производстве СЛЭ должны выполняться два обязательных условия: использование специальных знаний исключительно в области лингвистики и нацеленность всего исследования на получение выводов, применимых для принятия решений о квалификации деяния. В таком случае задача многоуровневого, исчерпывающего анализа РП в рамках СЛЭ снимается, а основным методологическим принципом экспертного лингвистического исследования становится рассмотрение РП сквозь призму закона. Разумеется, что описание в заключении эксперта подвергается оптимизации (по сравнению с описанием в рамках собственно научного («академического») исследования) и в результирующем представлении фиксируются не все возможные лингвистические характеристики РП, а только существенные для юридической квалификации. Иными словами, «прикладное оптимизированное описание должно быть удовлетворительным только для данной конкретной задачи» [4, с. 10].

С учетом сказанного ключевая задача исследования в рамках СЛЭ определяется как установление выраженного в РП значения и отнесение его (значения) к некоторому заданному классу. Такого рода задачи принято называть диагностическими и классификационными. Необходимым условием диагностирования является наличие знаний об объектах, накопленных научным или опытным путем и не связанных общим происхождением с экспертируемым объектом. «В зависимости от роли в диагностическом процессе объекты подразделяются на диагностируемые, природа, состояние которых подлежит установлению, и диагностирующие, с помощью которых эта природа, состояние устанавливается. Диа-

гностируемые объекты или их отображения находятся в связи с событием преступления, а диагностирующие не связаны с данным преступлением, но их природа изучена, они классифицированы по совокупности их признаков. На практике в качестве диагностирующих объектов выступают как вещественные образцы (эталон), так и информация об объектах, характеризующая их тип, класс, вид, разновидность, группу, к которой они принадлежат» [5]. Признаки, служащие раскрытию природы объекта, называются диагностическими: «Диагностический признак — признак, по которому можно судить о свойствах отобразившегося в следе объекта, их изменениях во времени, условиях, в которых происходило взаимодействие объектов» [6, с. 86].

Понятия, содержащиеся в законодательстве Республики Беларусь в области противодействия экстремизму, относятся к числу «субъективных». «Субъективные» правовые понятия подлежат операционализации [7], т. е. раскрытию через специальные признаки. Поэтому в вербальной коммуникации должны быть найдены их лингвистические маркеры, для определения которых принципиальным является положение о том, что в «экстремистском» РП должны быть одновременно выражены две основные составляющие: отраженная в законе цель речевого действия (например, разжигание вражды или розни) и указанное в законе содержание этого речевого действия (по отношению к чему именно и как разжигается вражда).

Таким образом, сущность СЛЭ, назначаемой по делам, связанным с противодействием вербальному экстремизму, заключается в лингвистическом исследовании РП с целью установления наличия или отсутствия в нем определенной совокупности специальных лингвистических признаков, отражающих особенности вербального действия, описанного в законе [1] и отраженного в вопросе, адресованном эксперту.

Список основных источников

1. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 2003-3 : в ред. от 20.04.2016 г. № 358-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020. [Вернуться к статье](#)

2. Громова, Н. С. Вербальный экстремизм как особый вид преступлений: правовая и лингвистическая природа [Электронный ресурс] / Н. С. Громова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 11 (61) : в 3 ч. — Ч. I. — С. 51–55. — Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2015_11-1_11.pdf. — Дата доступа: 20.01.2020. [Вернуться к статье](#)

3. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., № 281-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020. [Вернуться к статье](#)

4. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — М. : УРСС Эдиториал, 2001. — 360 с. [Вернуться к статье](#)

5. Лазарева, Л. В. Судебная экспертиза как средство в уголовном процессе : учеб. пособие / Л. В. Лазарева. — Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2014. — 98 с. [Вернуться к статье](#)

6. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка» : в 3 ч. / под ред. С. А. Смирновой. — М. : ЭКОМ, 2012. — Ч. 2. — 456 с. [Вернуться к статье](#)

7. Леонтьев, А. А. Комплексная гуманитарная экспертиза : методология и смысл / А. А. Леонтьев, Г. В. Иванченко. — М. : Смысл, 2008. — 135 с. [Вернуться к статье](#)